

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Р37

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Maria Remarque

DER WEG ZURUCK

Перевод с немецкого *Е. Шукшиной*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Дизайн обложки *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения литературных агентств
Mohrbooks AG и Synopsis.

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 На обратном пути : [роман] / Эрих Мария Ремарк ;
[пер. с нем. Е. Шукшиной]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-109740-0

«Ах, как трудно прощаться! Но возвращаться иногда еще труднее»...

Спустя четыре тяжелых года война наконец закончилась... Эрнст и его фронтовые товарищи возвращаются домой — в город, который некогда покинули еще детьми... Они возвращаются, чтобы жить и искать свое истинное предназначение. Но путь к мирной жизни окажется куда более сложным, чем тот, который им пришлось пройти на войне...

Ранее роман издавался под названием «Возвращение». Теперь он публикуется в новом переводе.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© The Estate of the late Paulette Remarque, 1931

© Перевод. Е. Шукшина, 2018

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-109740-0

ПРОЛОГ

Второй взвод — кто уцелел — дремлет в разбитой траншее за линией фронта.

— Странные гранаты, — говорит вдруг Юпп.

— Ты о чем? — приподнявшись на локте, спрашивает Фердинанд Козоле.

— Послушай.

Приложив руку к уху, Козоле напрягает слух. Мы тоже вслушиваемся в ночь. Но слышен только глухой гул артиллерийского огня и писк гранат. Справа еще пулеметные очереди и редкие вскрики. Но ведь так уже много лет. Рот, что ли, из-за этого разевать? Козоле вопросительно смотрит на Юппа.

— Перестало, — смущенно оправдывается тот.

Козоле бросает на него еще один пристальный взгляд. Но поскольку Юпп молчит, он, отворачиваясь, бухтит:

— В животе у тебя урчит, вот и все твои гранаты. Спи лучше.

Фердинанд подгребает себе земли под голову и осторожно вытягивается, чтобы сапоги не попали в воду.

— Черт, а дома у человека жена и двуспальная кровать, — бормочет он уже с закрытыми глазами.

— Кровать-то, поди, не пустует, — парирует из своего угла Юпп.

Козоле открывает один глаз и внимательно на него смотрит. Вид у него такой, будто сейчас встанет, но он только ворчит:

— Чудило кельнское... Не посоветовал бы ей это делать. — Через мгновение Фердинанд уже храпит.

Юпп жестом подзывает меня. Я перешагиваю через сапог Адольфа Бетке и подсаживаюсь. Осторожно поглядывая на храпящего Козоле, Юпп брюзжит:

— Ты глянь на него. Никакого образования, скажу я тебе.

До войны Юпп служил писарем в конторе одного кельнского адвоката и, хотя уже три года как на фронте, обидчив по-прежнему, почему-то придавая значение тому, что он образованный человек. Зачем ему это, Юпп, конечно, не знает, но из всего слышанного ему врезалось в память именно это слово, и он цепляется за него, как утопающий за соломинку. У каждого что-то такое есть, у кого жена, у кого работа, у кого сапоги, вот у Валентина Лаэра шнапс, а Тьядену еще бы разок от пуза наесться фасоли с салом. Козоле же «образование» невероятно раздражает. Это слово для него связано со стоячим воротничком, и все тут. Он реагирует даже сейчас. Не переставая храпеть, Фердинанд лаконично замечает:

— Крыса гнилая канцелярская.

Юпп печально, возвышенно качает головой. Какое-то время мы молчим, тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. Ночь сырая, холодная, небо затянуто облаками, время от времени принимается дождь. Тогда плащ-палатки, на которых мы сидим, перекочевывают нам на голову.

На горизонте вспыхивает пламя орудий. Такое уютное, что кажется, там теплее. От артиллерийских сполохов отделяются пестрые, серебристые цветы ракет. Над развалинами хутора в дымчатом воздухе плывет большая красная луна.

— Как думаешь, доберемся до дома? — шепотом спрашивает Юпп.

Я пожимаю плечами.

— Говорят, да...

Юпп громко вздыхает.

— Теплая комната, диван, а вечером где-нибудь поужинать... Ты можешь себе это представить?

— Последний раз в увольнении я померил гражданское, — задумчиво говорю я, — малó стало, нужно новое.

Как чудно́ все это здесь звучит: гражданское, диван, ужин... Дурацкие мысли лезут в голову: кофе такой бывает, с сильным привкусом солдатского котелка — металла и ржавчины, так что, давась и обжигаясь, приходится выплевывать его обратно.

Юпп мечтательно ковыряет в носу.

— Черт подери, витрины, кафе и женщины.

— Да ты радуйся, если выберешься из этого дерьма, — говорю я, дыханием отогревая руки.

— Тоже верно. — Юпп натягивает плащ-палатку на тощие сутулые плечи. — А ты чем займешься потом?

Я смеюсь.

— Я-то? Боюсь, придется вернуться в училище. И мне, и Вилли, и Альберту, и даже вон Людвигу.

Я киваю назад, где у раздолбанного блиндажа лежит нечто, укрытое двумя шинелями.

— Ах ты, черт! Но вы ведь не вернетесь? — спрашивает Юпп.

— Не знаю. Боюсь, придется, — отвечаю я и непонятно почему начинаю злиться.

* * *

Нечто под шинелями шевелится. Высовывается бледное, узкое лицо, раздается тихий стон. Это лейтенант Людвиг Брайер, наш взводный, мы вместе учились. Уже несколько недель у него кровавый понос; это, конечно же, дизентерия, но он не хочет возвращаться в лазарет, предпочитая оставаться с нами, потому что мы все ждем мира и тогда сразу сможем забрать его с собой. Лазареты переполнены, почти никакого ухода, на этой койке ты уже чуть-чуть мертвее. Кругом вседохнут, а когда валяешься там один, получается заразно; не успеешь оглянуться, и каюк. Макс Вайль, наш санитар, достал Брайеру что-то наподобие жидкого гипса; тот его жует,

чтоб кишки зацементировались и хоть что-нибудь удерживали. И все равно ему приходится спускать штаны по двадцать—тридцать раз в день.

Вот и сейчас Людвигу нужно отойти. Я помогаю ему зайти за угол, и он присаживается на корточки. Юпп делает мне знак рукой:

— Слышишь, опять.

— Что?

— Те гранаты.

Козоле ворочается и зевает. Потом поднимается, со значением смотрит на свой тяжелый кулак, косится на Юппа и говорит:

— Черт, если будешь тут еще заливать, готовь мешок для картошки. Отправишь домой вместе со своими костями.

Мы слушаем. Шипение и свист невидимых гранат прерываются странным протяжным, резким звуком, таким непонятным и новым, что у меня мурашки по коже.

— Газовые гранаты! — вскакивая, кричит Вилли Хомайер.

Тут мы все окончательно просыпаемся и напряженно вслушиваемся. Веслинг смотрит на небо.

— Да вон же они! Дикие гуси!

Под мрачными серыми облаками темной полосой тянется клин. Острие, нацеленное на луну, врезается в красный диск, отчетливо видны черные силуэты, угол, сложенный из множества крыльев, вереница, издающая незнакомый, сумасшедший гомон, затихающий вдали.

— Улетели, — ворчит Вилли. — Черт возьми, вот бы так же драпануть! Два крыла, и вперед!

Генрих Веслинг смотрит вслед гусям.

— Зима, — медленно говорит он. Веслинг крестьянин и в таких вещах разбирается.

Обессиленный Людвиг Брайер грустно прислоняется к стене и бормочет:

— Первый раз вижу перелетных гусей.

Козоле вдруг охватывает сильное возбуждение. Он трясет Веслинга, больше всего его интересует, крупнее ли дикие гуси, чем домашние.

— Примерно одинаковые, — отвечает Веслинг.

— Елки-моталки, — у Козоле от волнения трясутся щеки, — так там летит десятка два порций роскошного жаркого!

И опять гуси машут крыльями прямо у нас над головой; опять хриплый горловой клич бьет, будто ястреб по темечку; внезапно шум крыльев, клетот, протяжные крики и порывы усиливающегося ветра дают яркую картину свободы и жизни.

Раздается выстрел. Козоле опускает винтовку и пристально всматривается в небо. Он целился в самый центр клина. Тьяден рядом с ним, как охотничья собака, готов тут же броситься к упавшему гусю. Но неразомкнутая цепочка летит дальше.

— Жалко, — говорит Адольф Бетке, — был бы первый толковый выстрел на этой вшивой войне.

Козоле с огорчением отбрасывает винтовку.

— Хоть бы немножко дроби!

Представляя, что бы тогда было, он, загрузив, невольно начинает жевать.

— Вот-вот, — подтверждает наблюдающий за ним Юпп, — с яблочным муссом и жареной картошкой, ага?

Козоле злобно смотрит на него.

— Заткни пасть, канцелярская крыса!

— Тебе бы в летчики, — ухмыляется Юпп. — Взял бы их сейчас сетью.

— Сволочь, — завершает перепалку Козоле и снова устраивается спать.

Это лучше всего. Дождь усиливается. Мы садимся спиной к спине, держа над головой плащ-палатки. Сидим в траншее, как темные кучки земли. Земля, солдатская форма и подо всем этим немножко жизни.

* * *

Меня будит громкий шепот:

— Вперед... Пошли!

— Что случилось? — толком не проснувшись, спрашиваю я.

— Выступаем, — бурчит Козоле, хватая вещи.

— Так мы только оттуда, — с изумлением говорю я.

— Что ты несешь? — возмущается Веслинг. — Война ведь закончилась.

— Ладно, вперед!

Это Хеель, собственной персоной, наш ротный. Он нетерпеливо бежит по траншее. Людвиг Брайер уже на ногах.

— Ничего не попишешь, нужно идти, — обреченно говорит он и берет несколько ручных гранат.

Адольф Бетке смотрит на него.

— Ты бы остался, Людвиг. Куда тебе с твоей дивантерией.

Брайер качает головой.

Затягиваются пояса, стучат винтовки, и вдруг из-под земли опять поднимается затхлый запах смерти. Мы-то надеялись, что навсегда избавились от него, поскольку видели, как ракетой взмыла мысль о мире; и, хотя мы все еще не понимали, не верили в этот мир, одной надежды было довольно, чтобы за несколько минут, пока слух передавался по цепочке, изменить нас больше, чем за двадцать месяцев. До сих пор один год войны накладывался на другой, один год безнадежности цеплялся за другой, и, если подсчитать, вам почти сразу же приходилось изумляться, что это тянется так долго, что это промелькнуло так быстро. Но теперь, когда мы уже знаем, что не сегодня завтра будет мир, каждый час весит в тысячу раз больше, каждая минута под огнем тяжелее и дольше всех последних лет.

* * *

В разбитых траншеях воеет ветер; бегут, время от времени закрывая луну, облака. Свет — тень. Четырнадцать человек идут плотной цепочкой, отряд теней, жалкий второй взвод, выбитый весь, кроме нескольких человек; с целой роты едва ли наберет-

ся взвод, но это отборные остатки. У нас даже трое «стариков» — Бетке, Веслинг и Козоле, они знают все и иногда рассказывают о первых месяцах маневренной войны, как будто это было во времена Священной Римской империи.

На позиции каждый ищет себе уголок, норку. Пока почти ничего не происходит. Осветительные ракеты, пулеметы, крысы. Одну Вилли ловко подбрасывает ногой и перерубает лопатой.

Отдельные выстрелы. Вдалеке справа разрывы гранат.

— Может, хоть здесь обойдется, — говорит Веслинг.

— Не хватало еще, чтоб сейчас мозги продырявили, — качает головой Вилли.

— Уж если не везет, так сломаешь палец, ковыряя в носу, — отзывается Валентин.

Людвиг лежит на плащ-палатке. Ему в самом деле лучше было остаться. Макс Вайль дает ему пару таблеток, Валентин уговаривает выпить шнапса. Леддерхозе начинает рассказывать какую-то сальную историю. Его никто не слушает. Мы просто лежим. Время идет.

Вдруг я вздрагиваю и поднимаю голову. Приподнимается и Бетке. Оживился даже Тьяден. Многолетний инстинкт что-то нашептывает, никто пока толком ничего не понимает, но происходит что-то особенное. Мы осторожно вытягиваем головы и прислушиваемся, сощурив глаза в узкие щелочки, чтобы пробить взглядом сумерки. Все

начеку, чувства обострены до предела, мышцы приготовились к еще неизвестному, к тому, что еще только надвигается и может означать лишь опасность. По земле тихонько шуршат гранаты, с которыми Вилли, лучше всех умеющий их метать, ползком пробирается вперед. Мы лежим, распластавшись, как кошки. Рядом со мной Людвиг Брайер. В его сосредоточенном лице ни следа болезни. Оно такое же холодное, смертельное, как у всех здесь, — траншейное лицо. Его намертво сковало напряжение — настолько чрезвычайно впечатление, произведенное в нас подсознанием, задолго до того, как чувства могут в нем разобраться.

Колышется, ползет туман. И внезапно я понимаю, что вызвало в нас эту сильнейшую тревогу. Всего-навсего стало тихо. Совсем тихо.

Ни пулеметов, ни пуль, ни разрывов, ни свиста гранат — вообще ничего, ни выстрела, ни крика. Просто тишина. Полная.

Мы смотрим друг на друга, мы не в состоянии это объяснить. Все то время, что мы на фронте, так тихо не было ни разу. Мы беспокойно озираемся, пытаюсь понять, что это значит. Может, наползает газ? Но ветер такой, что отогнал бы его. Готовится атака? Но тишина непременно выдала бы атаку прежде времени. Что же происходит? Граната в моей руке влажная, я взмок от волнения. Нервы, кажется, сейчас порвутся. Проходит пять минут. Десять.

— Уже пятнадцать минут, — говорит Валентин Лаэр.

В тумане его голос звучит приглушенно, словно из могилы. И по-прежнему ничего, никакой атаки, никаких резко сгущающихся, стремительных теней... Руки разжимаются и сжимаются еще сильнее. Это непереносимо! На фронте мы привыкли к постоянному грохоту, и когда он вдруг не давит, такое чувство, что мы сейчас лопнем, взлетим воздушными шариками.

— Елки, подождите, это же мир, — вдруг говорит Вилли, и кажется, будто разорвалась бомба.

Лица расслабляются, движения становятся бесцельными и неуверенными. Мир? Мы с сомнением смотрим друг на друга. Мир? Я отбрасываю гранаты. Мир? Людвиг опять медленно ложится на плащ-палатку. Мир? У Бетке глаза такие, словно его сейчас разорвет. Мир? Веслинг стоит не шевелясь, дуб дубом, потом поворачивается к нам корпусом, но смотрит при этом совсем в другую сторону, как будто собирается идти — домой.

Вдруг — мы почти не заметили этого в нашем взволнованном смятении — тишина заканчивается, опять глухие выстрелы, опять вдали стучат дятлом пулеметы. Мы успокаиваемся и почти рады снова слышать такие знакомые звуки смерти.

Днем спокойно. Ночью, что случалось частенько, приходится немного отступить. Но оттуда нас не просто преследуют — атакуют. Мы и моргнуть

не успели, как оказались под шквальным огнем. Позади в сумерках буйствуют красные фонтаны. Иногда они на время стихают. Вилли и Тьяден находят банку мясных консервов и тут же ее уничтожают. Остальные лежат и ждут. Долгие месяцы их испепелили, они почти безучастны — пока не наступает момент, когда можно обороняться.

К нам в траншею прыгивает ротный.

— У вас все есть? — перекрикивает он грохот.

— Снарядов мало! — кричит Бетке.

Хеель пожимает плечами и через плечо протягивает Бетке сигарету. Тот, не оборачиваясь, кивает.

— Обойдетесь так! — кричит Хеель и бежит в следующую траншею.

Он знает, что обойдемся. Все старые солдаты с наименьшим успехом могли бы быть ротными командирами.

Становится темно. До нас добирается огонь. Защититься особо нечем. Руками и лопатами мы расковыриваем в воронке углубление и, тесно прижавшись друг к другу, укладываемся туда головами. Возле меня Альберт Троске и Адольф Бетке. Метрах в двадцати разрывается снаряд. На свист этой дряни мы раззявливаем рты, чтобы уберечь барабанные перепонки, но все равно почти теряем способность слышать, земля и грязь забиваются в глаза, чертов дым — пороховой, сернистый — дерет горло. Градом сыплются осколки. Кого-то точно накрыло, потому что к нам в траншею вместе с горячим осколком гранаты летит оторванная ру-

ка. Опять запрыгивает Хеель. В свете взрывов под шлемом видно его лицо, от бешенства белое как стена.

— Это Брандт, — объясняет он. — Прямое попадание, в кашу.

Опять все грохочет, гудит, жужжит, сыплются градом железо и грязь, гремит воздух, содрогается земля. Затем завеса приподнимается, отодвигается, и в то же мгновение с земли встают люди, обожженные, черные, с гранатами в руках, они внимательны, они готовы.

— Медленно отходим! — кричит Хеель.

Бой слева от нас. Он идет за одну из наших точек в воронке. Лай пулемета. Секундные вспышки гранат.

Пулемет замолкает — пулеметчику надо поменять магазин, — и с фланга сюда тут же устремляется атака. Еще несколько минут, и точка отрезана. Хеель, заметив это, садится на насыпь.

— Черт возьми! Вперед!

В воронку перебрасывают снаряды, и вот уже Вилли, Бетке, Хеель, лежа на земле, бросают гранаты. Потом Хеель опять вскакивает, он сумасшедший в такие моменты, просто как бешеный дьявол. Но этого достаточно, у тех, в воронке, новый прилив мужества, опять затарахтел пулемет, наладилась связь, и мы вместе отбегаем назад к бетонной глыбе. Все происходит так быстро, что американцы даже не заметили, как мы покинули точку. Снаряды рвутся в уже пустой воронке.